

Четвёртая Гора и Море управляла циклом реинкарнации всех Гор и Морей. Умершие в мире Горы и Моря входили в жёлтые источники — реку реинкарнации, ведущую на Четвёртую Гору и Море. Новоприбывшие души направлялись в цикл реинкарнации, откуда в конечном итоге они находили новый дом.

О Четвёртой Горе и Море гуляло немало легенд и мифов. Это загадочное место веками оставалось для людей непостижимым. Единственное, что все знали наверняка, здесь обитал сильнейший эксперт мира Горы и Моря. И звали его Кшитигарбха! Лорд Четвёртой Горы и Моря. Он управлял загробным миром и властвовал над реинкарнацией. Даже среди остальных лордов Гор и Морей он занимал особое положение. Всё потому... что он, по сути, управлял всеми жизнями в мире Горы и Моря! Четвёртая Гора и Море представлял собой важнейший узел, позволявший всему миру замкнуть цикл реинкарнации.

Мэн Хао впервые оказался на Четвёртой Горе. Первое, что он здесь почувствовал, едва ощутимую, но всё же невероятно чистую ауру смерти. Или лучше сказать, что это была не аура смерти, а аура инь[1]. На первый взгляд ничего здесь не бросалось в глаза. Звёздное небо было таким же необъятным, как и везде, но если приглядеться повнимательней, то становилось понятно: здешний мир был серым.

Мэн Хао огляделся и накрыл божественным сознанием всю Четвёртую Гору и Море. В одной её части сражались две особенно могучие сущности. Именно там Кшитигарбха бился с верховным владыкой чужаков. Появление божественного сознания не осталось незамеченным сражающимися. Верховный владыка чужаков словно безумный пытался вырваться из их поединка, чтобы расправиться с Мэн Хао. Но Кшитигарбха не позволил ему этого сделать.

— Так ты Мэн Хао! — воскликнул чужак.

— Собрат даос Мэн, — с абсолютной уверенностью в голосе сказал Кшитигарбха, — я позабочусь об этом чужаке!

Мэн Хао улыбнулся. С началом войны цветы распускаются на всём дереве, а не только на одной его ветви. К тому же один человек не мог изменить исход целой войны. Нет, для этого требовалось всеобщее усилие.

Мэн Хао сложил ладони и поклонился Кшитигарбхе, после чего сосредоточил своё божественное сознание на бьющихся с чужаками практиков Четвёртой Горы. В его поле зрения оказались миллионы чужаков и практиков Четвёртой Горы и Моря. Они сошлись в сражении небывалого масштаба. Мэн Хао заметил Сюй Цин в плотном кольце стражи. Она была цела и невредима, более того, от неё в разные части поля боя постоянно расходились потоки божественного сознания с приказами. В этом аспекте у защитников Четвёртой Горы и Моря было явное преимущество перед нападавшими.

Несмотря на огромное расстояние до Сюй Цин, стоило Мэн Хао увидеть её, как она сразу же

это почувствовала. Она повернула голову и посмотрела куда-то вдаль. В этот момент каким-то неведомым образом... их взгляды встретились. Сердце Мэн Хао пропустило удар. Глядя на Сюй Цин, в его голове проносились воспоминания. Их первая встреча на горе Дацин. Тот раз, когда в секте Покровителя он подарил ей пиллюлю Красоты. Как в Обители Богов секты Чёрного Сита он нашёл её дрожащую и беспомощную. У Чёрных Земель, в месте, где с неба упал Чоумэнь Тай, они убили практика квази-формации из клана Цзи. Во время их расставания в её глазах стояли слёзы. Мэн Хао никогда не забывал всего того, что они пережили. Как в Пещере Перерождения Сюй Цин пожертвовала собственную жизненную силу ему, дабы подарить ему хотя бы крошечный шанс вырваться из лап смерти и обрести новую жизнь. Даже под угрозой рассеивания души она была готова на такую жертву. Она даже позволила заключить себя в секте Чёрного Сита. Во время их красной свадьбы Мэн Хао держал её на руках и наблюдал, как она медленно исчезает. Он прижимал к себе умирающую жену, но даже на смертном одре она сказала ему, как всегда мечтала выйти за него замуж.

От всех этих воспоминаний Мэн Хао задрожал, весь его мир задрожал. Он пришёл, чтобы выполнить обещание. Он вернулся! Он обещал найти её даже на самом краю мира Горы и Моря. Какие бы опасности ни ждали на пути, он обещал отыскать её и остаться рядом. Она обещала дожидаться его. Если одной жизни окажется мало, он была готова ждать его во всех своих следующих жизнях.

За исключением родителей и сестры, никто в этой жизни не был достоин того, что он сделал. Не существовало женщины, о которой он бы тревожился столько, сколько о ней. Женщины, навеки получившей уголок в его сердце. Он не осознавал этого тогда на горе Дацин во время их первой встречи. Но ещё тогда желание поселилось в его сердце... желание провести с ней эту и следующие жизни. Вечность.

Старшая сестра Сюй...

Она никогда не славилась ослепительной красотой, но в глазах Мэн Хао во всём мире, ни на Небе, ни на Земле не было женщины прекрасней. Её сердце было простым и незамысловатым, и дело было не в отсутствии ума, а скорее в её любви к простоте. Она любила, чтобы всё вокруг было просто. Как и он. Когда на него наваливалась непомерная усталость, когда опускались руки, простота была той самой тихой гаванью, где его душа могла найти долгожданный покой и отдых. Её улыбка, голос, глаза, каждая её частичка навеки отпечатались в его сердце и всегда вызывали у него улыбку.

— Я чувствую сердцем, что человек, в которого я влюбился, это не просто приятные воспоминания, а ты... настоящая ты, — пробормотал он. — Я знаю... что люблю тебя.

С этими словами он сделал шаг вперёд, не заметив позади размытую фигуру в длинном чёрном халате, которая проводила его взглядом. Этим человеком был Резня. Когда он увидел, как Мэн Хао смотрел на Сюй Цин, в его глазах промелькнули искры ностальгии, словно это напомнило ему о чём-то из далёкого прошлого. Увиденное напомнило ему... о себе самом.

Когда Мэн Хао шагнул вперёд, мир исчез. Небо и Земля померкли. Естественные законы рассеялись. Остался только один человек. Его жена Сюй Цин. Он прибыл издалека. Прошёл

каждую великую Гору и Море на пути сюда. Он шаг за шагом ступал по звёздному небу, пока не оказался на поле боя. На его пути стояли чужаки, но не потому, что они пытались его остановить. Скорее они просто случайно оказались на его пути к сердцу этого сражения.

Окружавшая его разрушительная сила разрывала на части любого чужака, оказавшегося в радиусе тридцати тысяч метров. Мэн Хао словно их не замечал. Он шёл вперёд под аккомпанемент изумлённых воплей и душераздирающих криков. Разбегающиеся с его пути чужаки дали жизнь причудливой картине. После каждого шага его тут же окружало пустое пространство, словно одно его появление распугивало чужаков.

Несмотря на гибель попавшихся ему на пути чужаков, практики с Четвёртой Горы отнеслись к незнакомцу с подозрением. Только два человека отреагировали на его появление по-другому. Одним был практик Эшелона с Четвёртой Горы по имени Линь Цун. Другой, конечно же, Сюй Цин. Линь Цун[2] в сером халате находился в толпе практиков. При мысли о событиях в мире Сущности Ветра с его губ сорвался негромкий вздох. С горькой улыбкой и клубком непростых эмоций на душе он опять вздохнул.

— Наконец он добрался сюда.

Сюй Цин лучезарно улыбалась. Она находилась в павильоне командующего армии Четвёртой Горы и Моря. Оттуда она наблюдала за приближением Мэн Хао. Перед её мысленным взором проносились воспоминания об их совместном прошлом. Эти воспоминания не смогла стереть даже реинкарнация. Она всегда верила, что однажды её возлюбленный, её муж, придёт за ней с Девятой Горы и Моря. Не имело значения, сколько времени займёт дорога или какие чудовищные расстояния их разделяли. Не имела значения даже разразившаяся война. Ничто не может остановить его, он обязательно придёт. И вот он сдержал слово.

Сюй Цин прикусила губу и, к несказанному удивлению практиков Четвёртой Горы, сделала шаг вперёд. Некоторые хотели остановить её, но под влиянием приближающегося Мэн Хао они внезапно потеряли контроль над собственной культивацией.

Сражение стихло. Мэн Хао и Сюй Цин медленно двигались навстречу друг другу. Пока они смотрели друга на друга, время, казалось, замедлилось. Чужаки и практики Четвёртой Горы стали свидетелями того, как Сюй Цин покинула павильон командующего и вскоре... уже стояла перед Мэн Хао.

— Я наконец пришёл, — сказал он, взяв её за руку. Это была его жена, любовь всей жизни.

— Да, — ответила она, её щёки немного заалели.

Ей потребовалась вся её храбрость, чтобы кротко не опустить глаза. Вместо этого она позволила радости показаться из-под маски невозмутимости. Смотря Мэн Хао в глаза, она улыбалась. Это был счастливейший момент после реинкарнации.

При виде улыбки Сюй Цин Мэн Хао сам не удержался от улыбки. Его руки покрепче сжали его, а её руки — его. словно никто из них не хотел отпускать самого дорогого в жизни человека. Оба понимали, что их время вместе скоротечно. Несмотря на их желания, они должны были разжать руки. У Сюй Цин были свои обязанности, у Мэн Хао — своя миссия. Сейчас было не время и не место. Если бы только всё вернулось к тем мирным временам до начала ужасающей войны Гор и Морей...

Мэн Хао тяжело вздохнул. Сюй Цин окинула взглядом практиков Четвёртой Горы и чужаков, а потом медленно отпустила его руки.

— Я не могу отправиться с тобой... Дождись меня... Если наступит день и эта война закончится... мы вместе вернёмся домой.

Сюй Цин внезапно обвила его плечи руками и положила ему на грудь голову, чтобы услышать биение сердца. После одновременно короткого и бесконечно длинного мгновения она подняла глаза и сказала:

— Я буду ждать тебя, а ты дождись меня. Мы вместе будем присматривать друг за другом.

Закусив губу, Сюй Цин нехотя отпустила Мэн Хао и вернулась в павильон командующего. Глядя на жену, Мэн Хао осознал, что в ней что-то неуловимо изменилось. Как и он сам... она тоже выросла, стала более зрелой.

В душе у Мэн Хао потеплело. У Сюй Цин были свои обязанности, его же ждала миссия. Один прощальный взгляд, и он взмахнул рукой, окутав её божественной волей. Тяжело вздохнув, он посмотрел на огромный континент 1 Небес. Постепенно теплота в его глазах сменилась леденящим холодом! В пространстве вокруг него резко похолодало, его аура приобрела остроту и угрозу.

— Мне предстоит ещё кое-что сделать, — пробормотал он, — это поднимет дух всего мира Горы и Моря!

С пронзительным свистом он взмыл вверх, покинув поле боя. Луч света, словно пылающий метеор, вылетел за пределы Четвёртой Горы и оказался в необъятных просторах над ней. Он направлялся к 1 Небесам, которые скрыли собой звёздное небо мира Горы и Моря. Он собирался уничтожить 1 Небеса!

Мало кто заметил этот луч света, но одно было точно... надвигалась буря. Буря, которая воспламенит Небо и Землю! Предвестником этой бури, её прародителем будет... Мэн Хао!

[1] В "Книге перемен" инь (буквально "тенистое место" или "северный склон") описывается как тёмное место, заслоняющее от солнечного света ян (буквально "солнечное место" или "южный склон") горой. Инь характеризуется такими понятиями: медленный, мягкий, холодный, мокрый, пассивный и ассоциируется с водой, землёй, луной, женственностью и ночью. Ян, его

противоположность, характеризуется как нечто быстрое, твёрдое, сфокусированное, сухое, активное и ассоциируется с огнём, небом, солнцем, мужественностью и днём. — Прим. пер.

[2] После их конфликта Мэн Хао просил Линь Цуна передать пилюлю Красоты Сюй Цин. — Прим. пер.

<http://tl.rulate.ru/book/96711/449232>